

УДК 81.111'42

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: О ЗНАЧИМОСТИ КУЛЬТУРНОГО КОНТЕКСТА

И.А. Щирова (Санкт-Петербург, Россия)

И.А. Щирова. Художественный текст как объект научного исследования. В статье формулируется и подтверждается на примерах из истории развития научной мысли идея зависимости описаний текста от широкого культурного контекста и, в частности, от изменений науки как части культуры. Сложность и «человекомерность» художественного текста относятся к его ключевым характеристикам и трактуются как обусловленные характеристиками мира, которому принадлежит исследователь-интерпретатор. Многообразие научных подходов к тексту связывается с гуманизацией и аксиологизацией современного познания.

Ключевые слова: художественный текст, познание, интерпретация, сложность, «человекомерность» науки и текста, культурный контекст.

І.О. Щирова. Художній текст як об'єкт наукового дослідження: про значущість культурного контексту. У статті формулюється та підтверджується на прикладах з історії наукової думки ідея залежності опису художнього тексту від широкого культурного контексту й, зокрема, від змін науки як частини культури. Складність і «людиновимірність» художнього тексту належать до його ключових характеристик і трактуються як зумовлені характеристиками світу, до якого належить дослідник-інтерпретатор. Різноманітність наукових підходів до тексту пов'язується з гуманізацією й аксіологізацією сучасного пізнання.

Ключові слова: художній текст, пізнання, інтерпретація, складність, «людиновимірність» науки й тексту, культурний контекст.

I.A. Schirova. Literary text as an object of scientific study: on relevance of cultural context. This paper argues that studies of literary text are biased by a wide cultural context, and specifically by a scholarly paradigm as a part of culture. The author substantiates this idea with a number of examples from the history of science. It is maintained that the basic properties of literary text – its complexity and “man-measured” nature – depend on characteristics of the scholar’s / interpreter’s environment. Diversity of construals in the studies of literary text is viewed as an exposure of humanizing and axiological vantages of contemporary thought.

Key words: literary text, cognition, interpretation, complexity, “man-measured” nature of science and text, cultural context.

1. Введение. В качестве *объекта* исследования в данной статье выступает научное описание текста и его свойств на разных этапах историко-культурного развития социума. *Предметом* исследования являются факторы, детерминирующие это описание: парадигма научного знания, современная исследовательско-интерпретатору, концептуальные и методологические ориентиры научного сообщества, к которому он принадлежит; характеристики социума, частью которого он является; его личностные знания и опыт. *Цель* статьи – попытка социо-культурной контекстуализации научного знания о тексте, то есть встраивания этого знания в целостное знание о мире, осваиваемом автором и исследователем-интерпретатором как коммуникантами и когнитивными субъектами.

2. Социо-культурная контекстуализация как составляющая научного описания художественного текста. Объективируя творческий взгляд на мир, художественный текст фиксирует в этом взгляде неразрывное единство художественно трансформированного личного опыта, культурно-маркированного миропонимания и извечно интересующих человека универсальных ценностей. Вербализуя чувство и мысль *Другого* на разных этапах развития художественной коммуникации, текст позволяет нам осмыслить неповторимость бытия в исторически меняющемся времени и пространстве. Эмоционально вовлекая читателя в мир фикций как в иной возможный мир, он расширяет границы существования человека, обогащая его опытом виртуально прожитых жизней и новых мирооценок.

Как пишет Ю.М. Лотман, «для человека, который хотел бы иметь дело с текстом, вырванным из всей совокупности внетекстовых связей, произведение вообще не могло бы быть носителем каких-либо значений. Вся совокупность исторически сложившихся художественных кодов, делающая текст значимым, относится к сфере внетекстовых связей. <...> То, что принадлежит тексту к разным жанрам, стилям, эпохе, автору и тому подобное меняет величину энтропии отдельных его элементов, не только заставляет рассматривать внетекстовые связи как нечто вполне реальное, но и показывает некоторые пути измерения этой реальности» [Лотман 1998: 60] (курсив мой – И.Щ.). Текст объективирует культурные смыслы разных эпох, отображает культуру как гетерогенное образование с типичными для неё ценностными ориентациями. Знания о художественном тексте, его свойствах и его субъектах – реальных и фикциональных, чтобы претендовать на научную истинность, должны быть встроены в целостную структуру знания о мире. Научное описание художественного текста не может игнорировать особенности социо-культурного контекста, в условиях которого существует текст. Это закономерно увеличивает сложность его описания, но повышает точность.

2.1. Описание художественного текста как отражение развития социума и научного познания. Даже краткий экскурс в историю многовековых представлений о тексте позволяет сделать вывод о существовании множественных, порою взаимоисключающих подходов к его описанию. По сути, каждое из трёх понятий, формирующих ключевую для исследователя текста понятийную триаду «Автор – Текст – Читатель», характеризуется неоднозначностью восприятия и подтверждает сложность текста как многомерного, многозначного и полифункционального образования. Запечатлевая уникальность языковой личности исследователя и отличающих её научных предпочтений, концепции текста неизбежно детерминируются не только ценностными ориентирами сменяющих друг друга научных парадигм – маркеров науки как части культуры, – но и научных сообществ, которые существуют в их рамках.

Акценты в представлении художественного текста меняются вместе с миром, который воспринимается и трансформируется креативным сознанием

в вербальную художественную модель. Предлагая своё видение этой модели, исследователь-интерпретатор оценивает её, исходя из сформировавшихся в его сознании представлений о мире, которому принадлежит он сам. «Миры» автора и читателя (дистанция между временем создания произведения и временем его прочтения, «горизонтом произведения» и «горизонтом читателя», в терминологии Яусса) нередко разделены тысячелетиями.

Примеры зависимости интерпретации от социо-культурного контекста не нуждаются в подробном обсуждении, а потому кратко напомним лишь некоторые из них, тем более что автор статьи, являясь по специальности лингвистом, не претендует на их собственно социологическое или культурологическое описание. Вместе с тем, как представляется, и холистические тенденции, преобладающие в современной науке, и присущие ей нарушения дисциплинарных границ не только оправдывают «вторжение» автора на «чужую территорию», но и придают этому «вторжению» закономерность (ср. «экспансионизм» как примечательную черту современного языкознания, по Е.С. Кубряковой).

Первые два контрастных примера (А) касаются значимости, которой наделяет исследователь участников литературной коммуникации – автора и читателя. Вторая пара контрастов (Б), скорее, содержит рекомендации исследователя художнику слова и критику художественного произведения. И в том, и в другом случае различия в интерпретационных подходах исследователя не могут рассматриваться в отрыве от картины мира, сформировавшейся в его сознании, т.е. от его субъективного видения окружающего мира.

(А) Традиционное герменевтическое прочтение текста восходило к чтению сакральных текстов Ветхого Завета и Нового Завета: ориентируя интерпретатора на воспроизведение аутентичного смысла, заложенного автором в текст, оно исключало произвольные, лично-окрашенные толкования. «Добросовестный толкователь», согласно Шлейермахеру [2004: 67], «должен все мало-помалу черпать из самих источников».

Для интерпретатора постмодернистской парадигмы автор не существует в ипостаси порождающего смысл Отца, он заменяется скриптором. Интерпретация текста приравнивается к его созданию. Читатель наполняет текст смыслом, не принимая во внимание авторское мнение. Текст, интерпретативные параметры которого не воспринимаются как зависящие от структурных параметров, оказывается открытым множественным, по сути, любым прочтениям. В рамках постструктуралистско-деконструктивистско-постмодернистского комплекса идей» (И.П. Ильин), такое видение текста актуализируется тезисом Р. Барта о смерти Автора, Ж. Деррида о «свободной игре активной интерпретации», Дж. Хиллиса Миллера о «вкладывании смысла в текст» и пр.

(Б). Рассуждая в «Поэтике» о присутствии благородства в характере человека, Аристотель высказывает следующую мысль: «Ведь и женщина бывает благородной, и раб, хотя, быть может, *первая из них ниже (мужчины)*,

a раб — совершенно низкое существо» [Аристотель 1998: 1086] (курсив мой – И.Щ.). Мировидение Аристотеля столь же далеко от современных социальных прочтений текста, будь то феминистские или постколониальные толкования, как и разделяющий их временной интервал. Сегодня художник нередко критикуется за попытки свести предназначение женщины к обеспечению физического воспроизводства и противопоставить мужскую активность женской пассивности. Критик и читатель призываются к более внимательному прочтению «женской литературы», авторы которой, начиная с Джейн Остен, смотрят на жизнь женщины специфическим «женским взглядом». Этот взгляд не всегда замечается критиками, поскольку наиболее успешные авторы хранят женские проблемы в «потайных уголках», осознанно скрывают глубинные, истинные смыслы текста за его содержанием с тем, чтобы и без их выявления текст остался доступным для понимания и оценки: «From Austen to Dickinson, these female artists all dealt with with central female experiences from a specially female perspective. But this distinctively feminine aspect of their art has been generally ignored by critics because *the most successful women writers* often seem to have channeled their female concerns into secret or at least obscure corners. In effect, such women have created submerged meanings hidden within or behind the more accessible, “public” content of their works, so that *their literature could be read and appreciated* even when its vital concern with female dispossession and disease was ignored [Gibert, Gubar 2000: 290] (курсив мой – И.Щ.) (ср. у Аристотеля: «первая из них ниже (мужчины)»).

Категоричны в своём стремлении к равноправию и теоретики постколониальной литературы (хотя, как и феминистская критика, теория постколониализма разнородна). Например, У. Харрис, комментируя эссе нигерийского писателя, поэта и литературного критика Чинуа Ачебе о приключенческой повести Дж. Конрада “Heart of Darkness” («Сердце тьмы»), разделяет мнение Ачебе о склонности писателей и репортёров *указывать на несостоятельность Третьего мира. Предрекая ему культурное и историческое банкротство*, такие авторы руководствуются подсознательным желанием оправдать многовековую колониальную политику империализма, увидеть в ней реальную поддержку и единственную уважаемую Третьим миром форму правления. “There are certainly writers, novelists, reporters <...>, who seem predisposed to see nothing but bankruptcy in the Third World and one wonders in what unconscious degree perhaps the west may desire such bankruptcy – cultural and political – to become a fact of history, whereby it may justify its imperial past by implying that imperial order, across centuries of colonialism, was the only real support the modern possessed, the only real governance The Third World respected” [Harris 2000: 334] (курсив мой – И.Щ.). Как видим, и эта постколониальная критика далека от настроений Аристотеля (ср. выше у Аристотеля: «раб – совершенно низкое существо»).

2.2. Художественный текст в контексте субъектных стилей современного научного мышления. Трактовки текста, преобладающие

в современную нам историческую эпоху, также далеки от единообразия. Во многом это объясняется глобальными переменами в мировоззрении человека – антропологическим поворотом науки и приданием категориям «коммуникация» и «диалог» статуса базовых философских категорий. «Великое уравнение двадцатого века – я = ты», как называет его Дж. Фаулз [Фаулз 2002: 83], реализует себя в идеях гуманизма, диалогизма и толерантности. В науке господствуют субъектные стили мышления, а антропоцентризм становится «примечательной чертой» языкознания» (Е.С. Кубрякова). Во многих концепциях, формирующих методологическую базу «человекомерной» науки подчеркивается личностный характер научного знания. Таковы идеи Т. Куна о научном сообществе и идеи С. Фиша об интерпретативном сообществе. Еще более радикален по направленности эпистемологический анархизм К. Фейерабенда, по сути, отстаивающий право на существование любой научной точки зрения, если она приветствуется самим исследователем. Эпистемологический анархизм, убежден Фейерабэнд, необходим для внутреннего прогресса науки и для развития культуры в целом: «В конце концов, именно Разум включает в себя такие абстрактные чудовища, как Обязанность, Долг, Мораль, Истина и их более конкретных предшественников, богов, которые использовались для запугивания человека и ограничения его свободного и счастливого развития. Так будь же он проклят!» [Фейерабэнд, 1986: 322] (курсив мой – И.Щ.).

Статус объективной истины меняется и в концепции К. Поппера, где истина понимается не как соответствие фактам, а как регулятивный принцип. Поппер сравнивает истину с закрытой облаками горной вершиной. Восходящий на неё альпинист не только сталкивается с трудностями на своём пути, но может и не знать, достиг ли он вершины, ибо «в густой пелене облаков ему трудно отличить главную вершину от второстепенных». «Однако», – пишет Поппер, – «это не влияет на существование главной вершины» [Поппер 2004: 377-378]. Поппер отрицает возможность верификации научных утверждений, но признаёт возможность их опровержения (фальсификации). Идея истины воспринимается им потому, что позволяет «разумно говорить об ошибках и о рациональной критике и делает возможной рациональную дискуссию, <...> направленную на поиск ошибок». Устранив по возможности большинство из них, учёный приблизится к истине [там же: 383] (курсив мой – И.Щ.). То есть, идеи ошибки и человеческих заблуждений предполагают идею объективной истины как «стандарта, от которого мы можем отклоняться», а учёный, стремящийся к истине, должен «настойчиво и упорно» разоблачать свои ошибки и заблуждения посредством критики и самокритики [там же: 35].

В контексте предмета нашего исследования, целесообразно обратить внимание на «практические следствия, которые эпистемология имеет «для науки, этики и даже политики» (Поппер отмечает их, вслед за Расселом): ср.: «эпистемологический релятивизм, т.е. отрицание объективной истины, и эпистемологический прагматизм, т.е. отождествление истинности

с полезностью, тесно связаны с *авторитаризмом и тоталитаризмом*» [там же: 17–18]. Указывая на религиозный характер эпистемологий Бекона и Декарта, Поппер называет их критику предрассудков и традиционных убеждений «*антиавторитарной и антитрадиционной*» [там же: 34]. Развивая мысль Вольтера о терпимости как о необходимом следствии человеческой природы, он подчеркивает, что учение о способности людей ошибаться послужило *базисом теории политической свободы, свободы от принуждения* [там же: 36] (курсив мой – И.Щ.).

Субъектность стилей научного мышления, гуманитаризация и аксиологизация познания предоставляют исследователю известную свободу действий. В современной науке доминируют вероятностные подходы к описанию объектов исследования, в сущностно значимом для ученого понятии границы акцентируется диалектическое начало, а на смену классической двузначной логике приходят многозначные, интенциональные и модальные логики, признающие истинность по отношению лишь к одному из описываемых ими возможных миров. Традиционные ценностные установки исследователя-интерпретатора, формируемые бинарными оппозициями (ср. антагонист vs. протагонист, положительный vs. отрицательный), вытесняются гибкими подходами в оценках мира и его художественной модели. В качестве примера приведём широкое проблемное поле исследований квир-теории. По замечанию Д. Гальперина, “queer” по определению обозначает всё, что выходит за рамки нормального, узаконенного и доминирующего. Нет ничего конкретного, к чему бы “queer” относилось. Это идентичность, лишённая сущности: “Queer is by definition whatever is at odds with the normal, the legitimate, the dominant. *There is nothing in particular to which it necessarily refers. It is an identity without an essence* [см. Selden 2005: 255]. Схожий подход к исследованиям в этой области обнаруживает и Дж. Доллимор, по мнению которого идеи гуманизма в западных демократиях уступили место этике мультикультурализма и многорасовости. Хотя признание сходства, объединяющего «множества», не исчезло, оно оказалось подчиненным культурным и расовым различиям: «... in western democracies, *a confident humanism has given way to an ethic of the multicultural and the multi-racial; for sure, an uncertain assumption of underlying similarities is not entirely absent, but it is subordinate to an equally uncertain embrace of cultural and racial difference* [Dollimor 2004: xvii] (курсив мой – И.Щ.).

Разнообразие культурных смыслов, которые обнаруживаются в современных философских, литературоведческих, лингвистических и пр. прочтениях художественного текста, убеждает нас в значимости «человеческого фактора». Признание человека «точкой отсчёта» любого научного анализа, включая языковой» (Е.С. Кубрякова), заставляет видеть в художественном тексте «человекомерное» образование, а его природу описывать как «абсолютно антропоцентричную». Внимание текстолингвиста фокусируется на антропоцентрах, принадлежащих реальной (автор – читатель)

и/или изображенной (персонаж, повествователь и пр.) коммуникации, и ментальных процессах, свойственных реальным когнитивным субъектам или приписываемых фикциональным когнитивным субъектам. *Сознание автора* рассматривается (во всяком случае, многими отечественными исследователями) как порождающее «концептуально-тематическую суть» (В.Г. Адмони) художественного текста, а текст – как материальная данность, репрезентирующая эту суть и позволяющая исследователю делать выводы об отношении автора не только к созданному им фантазийному миру, но и к миру реальному. Фиксируя уникальность мировосприятия, миропонимания и мирооценки творческого субъекта, текст объективирует единственный в своем роде опыт освоения (интериоризации) мира художественным сознанием. Глубинный текстовый смысл актуализируется в *сознании «сотворца-рецептора»* (Д.С. Лихачев) и вербализуется в интерпретации текста. Несмотря на свою вторичность, интерпретация, как и создание текста, априорно уникальна, поскольку основывается на индивидуально-личностном опыте освоения мира субъектом, толкующим текст как его (мира) художественную модель. Наконец, фикциональный субъект – художественный аналог реального субъекта – также наделяется *сознанием*. В текстах интенциональной (психологической, мемуарной и пр.) литературы это сознание, согласно основополагающей авторской интенции, становится предметом изображения. Оно моделируется как интериоризирующее (осваивающее) мир или экстериоризирующее освоенный мир через речь, поступки, взаимоотношения и иные «следы» картины мира. Заметим, что одной из причин «торжества искусства, выражающего внутренние переживания художника» называется «повышение значимости «Я» в существовании каждого человека» [Фаулз 2002: 369].

3. Текст в системе конститутивных свойств (категорий). Описание свойств текста, включая любые его «измерения», сегодня детерминировано субъектными стилями гуманитарного мышления. Это справедливо и по отношению к текстовым категориям – конститутивным свойствам текста, обуславливающим его качественную определенность и правомерность изучения в качестве самостоятельного научного объекта.

Рассуждая о природе и критериях определения текста, Е.С. Кубрякова напоминает, что и до распространения терминов когнитивного подхода ученые говорили о «размытости» системных, онтологических и функциональных свойств текста. «Размытость» формирует основание для отнесения категории текста к числу «естественных» и построенных по принципу «фамильного сходства» или же по прототипическому образцу. Описание категории текста, таким образом, признаётся сложной задачей, а её жёсткое определение – «едва ли возможным» [Кубрякова 2001] (курсив мой – И.Щ.). В том, что выявление и систематизация категорий текста всегда представляли для исследователя сложную задачу, убеждает фундаментальный труд О.П. Воробьевой «Лингвистические аспекты адресованности художественного текста»

[Воробьева 1993а]. Автор разрабатывает в нем понятийно-терминологический аппарат описания одной из наиболее актуальных для современного ученого категорий – категории адресованности, в частности, такие ключевые для лингвистики текста и интерпретации текста понятия, как «категория текста», «интерпретационная программа», «интерпретативная стратегия», «сигнал адресованности» и пр. Соотношение заданности и неопределенности текста, интерпретационные стратегии и их связь с идеей повествовательного лабиринта; интерпретативный характер современной научной парадигмы и его важность для осмысления природы текста и его свойств, выступили предметом рассмотрения не только в вышеназванном фундаментальном труде, но и в предшествующей ему научной монографии автора [Воробьева 1993б]. Тогда же, в 1993 г., О.П. Воробьева писала о более чем пятидесяти категориях текста, упоминаемых в научной литературе. С тех пор понятие «категория текста» так и не получило четкой дефиниции. Сохраняются разночтения и в принципах вычленения категорий, и в принципах выстраивания их иерархии, в чем убеждают нас новые списки, содержащие разнородные свойства текста разной степени обобщённости (см. подробнее [Щирова 2007: 92–103]).

Разночтения в понимании текстовых категорий закономерны и могут быть объяснены рядом причин. Поскольку предлагаемая читателю статья является попыткой социо-культурной контекстуализации научного знания о тексте, выделим две причины, наиболее очевидно связанные с этой темой: во-первых, *«человекомерность»* науки и текста, а, во-вторых, *сложность*, которая может быть отнесена, в равной мере, и к художественному тексту, и к его свойствам, и к осмысливающему их человеку. Попытаемся кратко проанализировать эти причины, одновременно показав зависимость текста и его современного описания от специфики социо-культурного контекста, которому принадлежит автор текста и исследователь-интерпретатор.

3.1. Художественный текст как сложное «человекомерное» образование. Современные научные описания художественного текста, хотя и различаются ориентацией на порождающее или воспринимающее его сознание, неизменно отрицают самодостаточность текста. Интерпретативная направленность когнитивной парадигмы, восприятие познания как интерпретации, а интерпретации как активного, действенного понимания, объясняет тот факт, что среди концепций текста доминируют научные построения рецептивного характера. Однако и те его описания, в которых роль смыслового и структурно-семантического центра текста отводится автору, не могут игнорировать значимость реципиента. Объясняется это тем, что исследователи, принадлежащие к разным научным сообществам, набрасывают на познаваемый ими мир одну и ту же «понятийную сетку» (Т. Кун), т.е. руководствуются в изысканиях концептуальными и методологическими ориентирами доминирующей научной парадигмы. Свойства текста, соответственно, рассматриваются как когнитивные

параметры, репрезентируемые языковыми средствами и зависящие от рецептивной ситуации и личности исследователя-интерпретатора, его многоаспектного опыта и разного рода знаний. Исходя из данного понимания текстовой категории, автор статьи ещё в 2007 г. высказал сомнение по поводу оправданности использования по отношению к ней характеристики «имманентность» (см. подробнее [Щирова 2007: 103–114]). Основанием для такого вывода послужило отрицание автономности текста и соотнесение целостного текстового смысла с работой порождающего и воспринимающего текст сознания, т.е. постулируемая современной наукой открытость текста.

3.1.1. Описание художественного текста как «человекомерного» образования. «Человекомерность» современной науки прогнозирует не только сохранение разночтений в понимании категорий текста, но и повышает их вариативность. Множество радикально ориентированных на читателя видений текста, будь то современные герменевтические прочтения или развивающие идеи герменевтики рецептивные теории, акцентируют важность читательского мнения, значимость сознания, актуализирующего текстовый смысл. Осмысляются феномены понимания и интерпретации, активно разрабатываются категории текста, эксплицирующие роль воспринимающей текст коммуникативной инстанции (см. выше «категория адресованности»). Категории автора и авторской интенции, напротив, нередко подвергаются критике. Интерпретатор, настаивающий на релевантности авторской интенции для толкования текстового смысла, упрекается в авторитаризме (ср. “authoritarian interpretation” у С. Коллини [Collini 1996: 21]). Использование текста, подчиненное задачам интерпретатора-прагматика, а не интерпретация, ориентирующая читателя на понимание текстового кода (Р. Рорти) (ср. тексты как инструменты для достижения интерпретатором своих целей, “instruments for purposes” [Rorty 1996: 92]); децентрация структуры и «свободная игра активной интерпретации» (Ж. Деррида); отрицание «книги» и «произведения» и попытка лишить ореола «псевдоочевидности» науку и литературу, желание изгнать из науки эти «всеобщности» как нечистую силу, *сковывающую* различные дискурсы друг с другом [Фуко 1996: 23, 30] (курсив мой – И.Щ.), – все эти установки постструктурализма имплицитно протестуют против монологичности и предзаданности текста, отрицают его исходное начало, демонстрируют неприятие текстопорождающей инстанции и независимости от неё интерпретации текста.

Исследовательский интерес смещается в сторону диалогичности, вторичности текста и, как следствие, всепоглощающей интертекстуальности, аппроксимации свойств вторичного текста по отношению к исходному тексту, неоднозначности и амбивалентности текста, его вариативности и потенциальной незавершенности. Понятие «адекватной интерпретации» утрачивает свою смысловую нагрузку, поскольку язык, культурная память социума, его культурные установки по отношению к культурному наследию не воспринимаются более как маркеры интерпретационных границ и своего

рода гаранты против произвола интерпретации. Подобная расстановка концептуальных акцентов встраивается в востребованные социумом идеи прав и свободы личности (ср. у У. Эко: “the dialectics between *the rights* of the text and *the rights* of their interpreters” [Еко 1996: 23]) (курсив мой – И.Щ.). Появление новых подходов к тексту связывают с революционными идеями противостояния господствующим классам, жёстко заданной стратификации общества и системы. Опирающиеся на внутреннюю диалогичность дискурса, литературные диалогические жанры не могли возникнуть, замечает Ж. Отье-Ревю [2002: 67], в «политически застывшем, неподвижном обществе». Монологизация как «носитель интересов господствующих слоёв общества» не позволяла сомневаться в смысле дискурса и не допускала той релятивизации, которая отличает диалогичность.

3.1.2. Описание художественного текста как сложного образования.

Сложность категории текста как предмета научного описания закономерно связана со сложностью текста и мира, частью которого являются познающий их человек (ср. личность как «супер-сверхсложная» система, по М. Кагану). Усложнение социальных, экономических, политических и религиозных процессов, вызванное глобализацией и интернационализацией человеческих ценностей, новые формы и скорости в общении, производстве и обмене знаниями, рост объемов извлекаемой, перерабатываемой и передаваемой информации свидетельствуют об усложнении организации мира. Делая мир более сложным, они придают ему большую неопределённость. Уместно процитировать Ю.М. Лотмана [2002: 133]: «Интеллектуализация исторического процесса в сфере культуры фактически означает стремление к предельному увеличению ситуаций, при которых автоматизм последовательности поступков сменяется актом выбора. А это резко увеличивает роль случайности».

Как органичная составляющая усложнившегося глобального контекста, наука оперирует сложными категориями и сложными понятиями. Сталкиваясь с проблемами, решение которых требует выхода за пределы дисциплинарных границ, она ориентирует исследователя на использование комплексных и интегральных методов, стремится к возрождению идеала цельного знания, восходящего к воззрениям П.А. Флоренского, С.Н. Булгакова, А.Ф. Лосева, В.С. Соловьёва. Уместно в этой связи упомянуть рассуждения О.П. Воробьевой [2008: 25] о «рождении новых лингвистик» – лингвистики эмоций, лингвопсихологии, лингвистической дивинатологии, лингвоконцептологии, нейронной теории языка. Их появление связывается учёным с дивергентными процессами внутри гуманитарных наук и конвергенцией их отдельных областей с областями естественных наук: психологией, физикой и биологией.

Художественный текст – это артефакт, произведение искусства, искусство же, по справедливому замечанию Дж. Фаулза, «порождено человечеством как таковым, *историей и временем*, и его проявления (если не методы) всегда сложнее научных» [Фаулз 2002: 366] (курсив мой – И.Щ.). В условиях современной интеллектуальной ситуации «риторическая природа»

поэтического языка и множество текстовых «измерений» (характеристик, сторон, аспектов, слоёв и пр.) рассматриваются в контексте сложных явлений, присущих англоязычной художественной коммуникации на современном этапе её развития. К ним можно отнести *психологизацию повествования*, которая соотносится с отсутствием эксплицитно выраженного в тексте авторского мнения и поэтому предопределяет сложность восприятия психологического текста. Не меньшую сложность для интерпретатора представляет и *иронический модус повествования*, требующий разграничения видимости и сущности. О роли, которую играет категория сложного в онтологии мира, говорит внимание к *креолизированным текстам, феномену мультимодальности (поликодовости)*. И здесь мы вновь сошлёмся на О.П. Воробьёву, точнее на её программную статью о мультимодальной стилистике, одной из задач которой называется стилистический анализ способов конструирования значения и порождения смыслов, генерируемых кодами разного рода – словесным, визуальным, картинным, аудиальным, при этом все коды выступают «как единое целое». Художественный текст, включающий вербальные, графические, полиграфические и пр. параметры, также изучается этой дисциплиной [Воробьёва 2010: 48]. При описании текста, дискурса, например, научно-фантастического дискурса, а также порождающих их языковой личности используется понятие *синкретизма*. Исследования такого рода эксплицируют сложность художественного текста и предполагают размывание дисциплинарных границ.

Сложность языка и текста находит подтверждение и в *синергетических разработках*. К проявлениям синергетичности в языке относят «классические формы когнитивного освоения нового»: лексическое конструирование (Merging), концептуальное слияние смыслов (Conceptual blending) и межкультурное взаимодействие (Cultural crossing). К «типобразующим параметрам» и «культурно-значимым маркерам» синергетических инноваций в языке и культуре – смешение регистров и коммуникативных стилей, тенденцию к демократизации языка; интернационализацию лексики; макаронизацию, направленную на повышение «престижности»; креативность и языковую игру; метафорические смысловые наслоения; паремическое моделирование, декомпозицию и переразложение фразеологических единиц; антономазию; эвфемизмы и политкорректность; интертекстуальность, пародирование, иронию и самоиронию и пр. [Молчанова 2007: 27–29].

Осмысляя художественный текст с синергетических позиций, исследователь акцентирует «*новую жизнь*» в тексте слова обыденного языка, описывает семантические метаморфозы, обусловленные асимметричным дуализмом языкового знака, «расщеплённой референцией» художественного текста и потенциальной бесконечностью интерпретативных текстовых инстанций. Слово художественного текста неразрывно с ним связано. Осознанно выбранное и осознанно сочетаемое с иными «словами текста», оно используется для решения сверхзадачи – передачи глубинного смысла,

интегрируясь текстовым целым, оно становится его неотъемлемой частью, обретает уникальность. «Слово текста» нельзя изъять или заменить иным словом, не изменив при этом текстового смысла. Создавая основу художественной модели, слова общепонятного языка обрастают в тексте семантическими обертонами и не могут выразить текстовую суть путём простого сложения собственных смыслов. «Семантическая неаддитивность» художественного текста убедительно иллюстрирует синергию, в интерпретации Г.Г. Молчановой: «явление, когда две или более индивидуальные силы, энергии, *«работая вместе» производят эффект больший, чем сумма эффектов, производимых ими по отдельности»* [Молчанова 2007: 26] (курсив мой – И.Щ.). Та же самая мысль может быть сформулирована и с позиций интересующей нас проблемы текстовых категорий, а именно важнейших категорий связности и цельности. Цельность как внутренний смысл текста материализуется в связности, но не выводится из неё механически.

Сложность изучения категорий текста во многом определяется их многочисленностью и многообразием и, как следствие, трудностью нахождения однородных оснований для их описания. Более того, это описание неизбежно несёт в себе недостатки моделирования. Любые текстовые свойства, включая конститутивные, характеризуют один и тот же научный объект и поэтому взаимосвязаны и взаимообусловлены. Изучая свойство текста, мы абстрагируем его и от текста, и от иных текстовых свойств. Схематизируя таким образом описание, мы получаем лишь частичное знание. Выделение тех, а не иных свойств зависит от конкретных задач исследования, детерминируется установками современной исследователю научной парадигмы. Приоритеты научного знания диктуют направление поисковых исследований – выбор объекта, методов его изучения и описания, предопределяют его актуальность. Напомним, что интерес к когезии как к конститутивному свойству текста на начальном этапе развития лингвистики текста и изучение тех связей текста (анафорических, катафорических и пр.), которые актуализировали эту категорию, позже, с появлением коммуникативно-ориентированных моделей текста, сменился интересом к процессам смыслопорождения и категории когерентности. Значимость замысла, а не инструментария отражена и в рассуждениях Дж. Фаулза о роли художника в искусстве. Анализируя некоторые особенности современной художественной коммуникации – присущую ей «тиранию самовыражения», использование стиля «в качестве основного мерил художественной ценности», «постепенное движение к почти полной победе средств выражения над выражаемым» [Фаулз 2002: 370–371], Фаулз призывает художников «вернуться обратно». «Миропонимание и авторская позиция творческой личности будут пронизывать все её творения, сколь бы различны они ни были по внешней форме» [Фаулз 2002: 390] (ср. также обращение к дискурс-анализу, концептуальному анализу и методу моделирования

как следование методологическим установкам когнитивно-дискурсивной парадигмы).

4. Выводы и перспективы. Научное описание художественного текста детерминируется рядом факторов. В числе прочих, к ним оправданно отнести: особенности организации текста на конкретном этапе развития художественной коммуникации, ценностные ориентиры научной парадигмы, научного сообщества и социума, которым «принадлежит» исследователь и в условиях которого развивается наука как часть культуры. Неизбежно запечатлевая своеобразие научных предпочтений и шире – мировосприятия и мирооценки исследователя, научное описание текста и его свойств отражает особенности и требования времени. Для выражения научных знаний об объектах сложного мира исследователь, из теоретически бесконечного числа их признаков, отбирает лишь некоторые, релевантные для решения конкретных научных задач. Когнитивно-дискурсивная парадигма научного знания акцентирует интерпретирующий характер познания и позволяет сегодня видеть в художественном тексте «человекомерное» и сложное явление. Эти характеристики текста коррелируют с «человекомерностью» и сложностью современной науки и современного мира. Сложность научных проблем повышает значимость революционных научных изменений, креативных и нестандартных решений, предопределяет методологический плюрализм. Холистические тенденции, присущие современной науке, и необходимость понимать контекст, в котором располагаются информационные сведения, заставляют признать актуальность и перспективность социо-культурной контекстуализации знаний о тексте, его свойствах и методах его изучения на разных этапах развития художественной коммуникации и научной мысли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Поэтика. Об искусстве поэзии / Аристотель // Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. – Минск: Литература, 1998. – С. 1064–1112.
2. Воробьева О.П. Лингвистические аспекты адресованности художественного текста: Дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Воробьева Ольга Петровна. – М., 1993а. – 382 с.
3. Воробьева О.П. Текстовые категории и фактор адресата / Воробьева О.П. – Киев: Вища школа, 1993б. – 154 с.
4. Воробьева О.П. Модернистский дискурс: причуды и прозрения (на материале рассказов Вирджинии Вулф) / О.П. Воробьева // Язык и дискурс в статике и динамике : тезисы докладов Международной науч. конф. (Минск, 14–15 ноября 2008 г.) / «Минский гос. лингвистический. ун-т. – Минск, 2008. – С. 25–27.
5. Воробьева О.П. Словесная голография в пейзажном дискурсе Вирджинии Вулф: модусы, фракталы, фузии / О.П. Воробьева // Когниция,

- коммуникация, дискурс. Международный электронный сборник научных трудов. – 2010. – № 1. – С. 47–74.
6. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) / Е.С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века. – М., 1995. – С. 144–238.
 7. Кубрякова Е.С. О тексте и критериях его определения / Е. С. Кубрякова // Текст. Структура и семантика. Т. 1. – М., 2001. – С. 72–81 [Электронный ресурс] – Режим доступа к статье : <http://www.philology.ru/linguistics1/kubryakova-01.htm>
 8. Кун Т. Структура научных революций / Кун Т. – М.: Изд-во АСТ, 2003. – 365 с.
 9. Лотман Ю.М. Структура художественного текста / Лотман Ю.М. // Об искусстве. – СПб., 1998. – С. 13–285.
 10. Лотман Ю.М. Семиотика и типология культуры / Ю.М. Лотман // История и типология русской культуры. – СПб, 2002. – С. 22–156.
 11. Молчанова Г.Г. Английский как неродной: текст, стиль, культура, коммуникация / Молчанова Г.Г. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 384 с.
 12. Отье-Ревю Ж. Явная и конститутивная неоднородность: к проблеме другого в дискурсе / Ж. Отье-Ревю // квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса : сб. науч. ст. – М., 2002. – С. 54–81.
 13. Поппер К. Предположения и опровержения: Рост научного знания / Поппер К. – М. : АСТ Ермак, 2004. – 638 с.
 14. Фаулз Дж. А. Аристос / Дж. Фаулз. – М. : Эксмо, 2002. – 432 с.
 15. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки ; пер.с англ. и нем. / [под ред. И.С. Нарского, П. Фейерабенд]. – М. : Прогресс, 1986. – 542 с.
 16. Фуко М. Археология знания /Фуко М. – Киев: Ника–Центр, 1996. – 280 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа к книге: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/fuko_arh/index.php
 17. Шлейермахер Ф. Герменевтика / Шлейермахер Ф. – СПб. : Европейский Дом, 2004. – 242 с.
 18. Щирова И.А. Проблема имманентности свойств текста в контексте антропологического поворота гуманитаристики / И.А. Щирова, Е.А. Гончарова // Многомерность текста: понимание и интерпретация. – СПб., 2007. – С. 103–114.
 19. Щирова И.А. Описания свойств текста в терминах категорий. Категориальные модели текста / И.А. Щирова, Е.А. Гончарова // Многомерность текста: понимание и интерпретация. – СПб., 2007. – С. 92–103.
 20. Dollimore J. Radical Tragedy. Religion, Ideology and Power in the Drama of Shakespeare and his Contemporaries. Third Edition. / Dollimore J. – New York : Palgrave MacMillan, 2004. – 312 p.

21. Collini S. Introduction: Interpretation terminable and interminable / S. Collini // Interpretation and overinterpretation. Umberto Eco with Richard Rorty, Jonathan Culler and Christine Brooke-Rose. – Cambridge, 1996. – P. 1–21.
22. Eco U. Interpretation and history / U. Eco // Interpretation and overinterpretation. Umberto Eco with Richard Rorty, Jonathan Culler and Christine Brooke-Rose. – Cambridge, 1996. – P. 23–43.
23. Gibert S. M. The Female Swerve / S. M. Gibert, S. Gubar // D. Richter. Falling into Theory. Conflicting Views on Reading Literature. – Boston, Ney York: Bedford / St. Martin's, 2000. – P. 290–294.
24. Harris W. The Frontier on Which Heart of Darkness Stand / W. Harris // D. Richter. Falling into Theory. Conflicting Views on Reading Literature. – Boston, Ney York: Bedford / St. Martin's, 2000. – P. 334–339.
25. Rorty R. The pragmatist's progress / R. Rorty // Interpretation and overinterpretation. Umberto Eco with Richard Rorty, Jonathan Culler and Christine Brooke-Rose. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – P. 89– 08.
26. Selden R. A Reader's Guide to Contemporary Literary Theory. Fifth edition / R. Selden, P. Widdowson, P. Brooker. – Harlow : Pearson / Longman, 2005. – 302 p.

Щирова Ирина Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой английской филологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена; e-mail: Schirova@ yandex.ru